

Реальный сектор

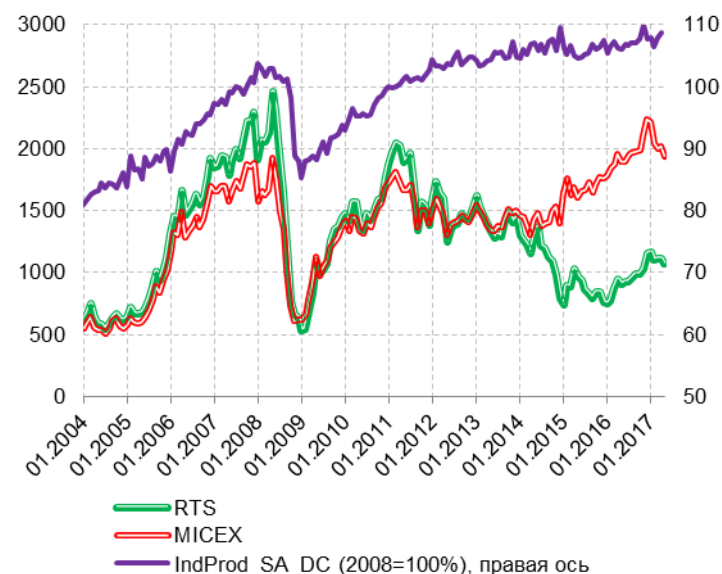
2. Динамика промышленности, конкурентоспособность и экономический рост

Несмотря на оптимистичную первую оценку роста ВВП в первом квартале текущего года и явное улучшение динамики промышленности в марте-апреле, ситуация в экономике не выглядит устойчиво положительной. Оптимизм инвесторов, судя по динамике фондовых индексов, не растет, интегральный индекс ценовой конкурентоспособности российской экономики вернулся на уровень 1997 г. Для поддержания экономического роста необходимо целенаправленное противодействие факторам, в максимальной степени ограничивающим экономический рост в основных отраслях российской экономики с учетом того, что в каждой из них одни и те же факторы проявляют себя по-разному.

Судя по данным Росстата, в марте и апреле динамика промышленного производства улучшилась: относительно того же периода прошлого года темпы прироста составили 0,8% и 2,3% соответственно, а в целом за январь-апрель объем промышленного производства вырос на 0,7%. В совокупности с опубликованной ранее первой оценкой ВВП (рост на 0,5% год к году в первом квартале) это может создать впечатление, что российская экономика наконец-то уверенно вступила на тропу экономического подъема. Однако вряд ли это так.

При весьма высокой исторической коррелированности динамики промышленного производства и фондовых индексов (рис. 2.1), динамика последних за последние полгода не внушает оптимизма. По состоянию на 25 мая 2017 г. индекс РТС был ниже уровня конца декабря 2016 г. на 7%, а относительно конца апреля 2017 г. – на 3,8%. Та же картина у индекса ММВБ – он был ниже уровня предновогоднего уровня на 13%, а уровня конца апреля 2017 г. – на 1%. В целом та же картина наблюдается на уровне отраслевых фондовых индексов: долларовая цена акций

Рис. 2.1. Динамика промышленного производства (сезонность устранена) и российских фондовых индексов на конец периода в январе 2004 – мае 2017 гг.

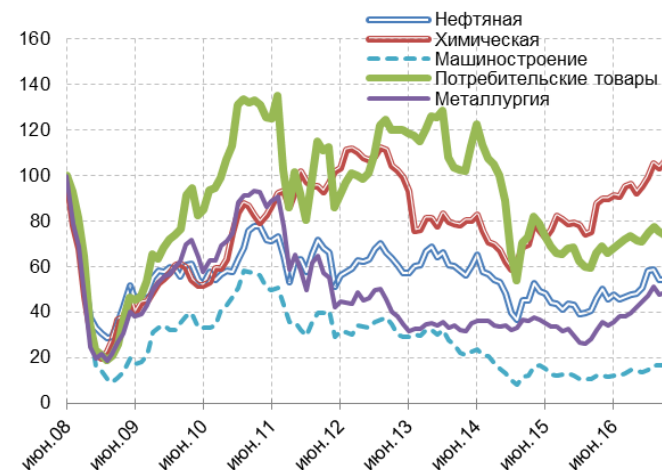
Примечание: Динамика промышленного производства дана по апрель 2017 г. Источник: CEIC Data, Московская биржа; расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

предприятий машиностроения стагнирует уже более года, а акции предприятий других отраслей реального сектора с конца января 2017 г. снижаются. В мае относительно конца апреля выросли лишь акции предприятий сектора потребительских товаров (рис. 2.2). Хотя рост последних за месяц составил более 4%, однако стагнация или снижение остальных секторов (включая инфраструктурные, за исключением транспортных компаний) не позволяет говорить о тотальном росте оптимизма инвесторов, который мог бы стать признаком общего экономического оживления.

В апреле продолжилось быстрое укрепление реального эффективного курса российского рубля, что говорит о росте цен на российскую продукцию относительно иностранных конкурентов, то есть о дальнейшей потере ими ценовой конкурентоспособности. По данным Банка международных расчетов (BIS), относительно того же периода прошлого года рубль укрепился на 26,2%, а относительно марта – на 2,2%. По скорости укрепления валюты и роста относительных цен – это второе и пятое место соответственно среди крупных экономик, входящих в выборку BIS. При этом, как свидетельствуют данные недавнего доклада аналитического центра при правительстве (далее АЦ), основанного на опросах предприятий², в условиях кризиса снижение издержек остается самым популярным методом повышения конкурентоспособности продукции, следом идет обучение сотрудников. В качестве главных факторов конкурентоспособности 41% опрошенных на первый план выдвигают цену и лишь 19% — качество продукции. Оценка влияния цен на итоги конкурентной борьбы стабильно (как и в опросе 2016 г.) высоки: 58% респондентов считают, что 15-процентный рост цены на их продукцию будет означать потерю более 15% клиентов, а 21% ждет полной потери клиентской базы при таком сценарии. Поскольку укрепление реального курса рубля по сути является ростом относительной цены российских товаров, значимость динамики курса для поддержания конкурентоспособности высока.

² Коммерсант.ру, 23 мая 2017 г.

Рис. 2.2. Динамика отраслевых фондовых индексов РТС компаний реального сектора экономики в январе 2004 – мае 2017 гг., на конец периода, июнь 2008 г. = 100%

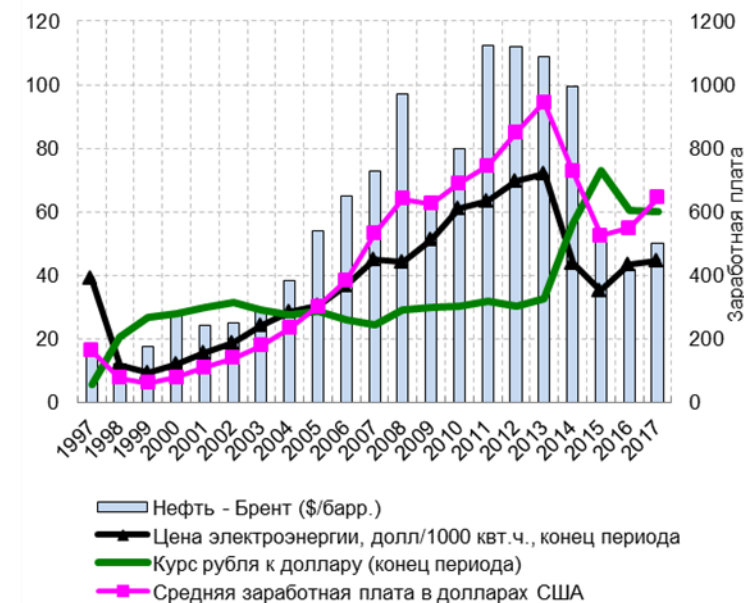

Источник: Московская биржа; расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Оценивать происходящее сильное укрепление рубля в качестве фактора, важного для оценки перспектив возобновления устойчивого экономического роста в России, позволяют не только опросы предпринимателей, но и последние комплексные исследования, посвященные влиянию валютного курса на макроэкономические показатели. Так, по имеющимся оценкам экспертов МВФ, сделанным недавно на основе обобщения значительного объема самой последней информации и расчетов³, изменения обменного курса, как правило, имеют значительное влияние на объемы экспорта и импорта. Укрепление курса сдерживает экспорт и стимулирует импорт, а ослабление наоборот, оказывая при этом значимое положительное воздействие на рост чистого экспорта. В цитируемом докладе МВФ не отрицается, что рост глобальных цепочек стоимости несколько ослабляет традиционно понимаемую связь между обменными курсами и внешней торговлей из-за важности импортируемых промежуточных продуктов, используемых в производстве товаров для экспорта. Однако в докладе показывается, что в целом имеющиеся данные об исчезновении традиционного соотношения между динамикой обменных курсов и внешней торговлей остаются малоубедительными⁴.

Таким образом, экономическая политика, основанная на традиционном понимании связи между обменными курсами и торговлей, еще выдерживает критику, хотя здесь нельзя не учитывать страновую специфику. Говоря о последней, важно отметить, что среди стран, переживающих падение курса валюты, рост экспорта, вероятно, будет наибольшим для тех, где присутствует спад в отечественной экономике (то есть имеются незагруженные производственные мощности, которые можно переориентировать на экспортные рынки), а финансовые системы функционируют нормально. В России ситуация с мощностями в силу длительного инвестиционного спада не очень благополучна, финансовая система также пока еще далеко не совершенна, однако, несмотря на

Рис. 2.3. Динамика цен ресурсов в российской экономике в валютном выражении в 1997-2017 гг.

Источник: Росстат, CEIC Data; расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

³ Exchange Rates and Trade Flows: Disconnected? - Chapter 3 in World Economic Outlook, IMF, October 2015.

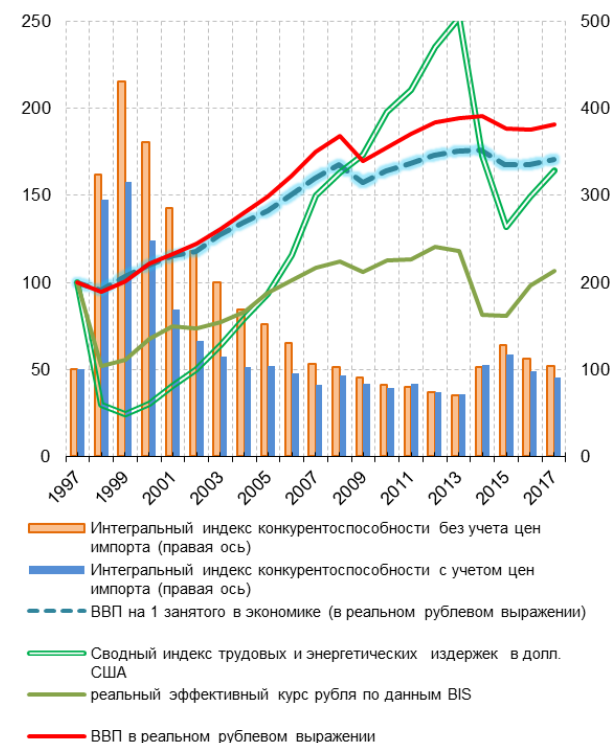
⁴ Там же.

это, курсовой фактор весьма важен для обеспечения международной конкурентоспособности российских производителей с точки зрения относительной цены. И его значимость еще более возрастет в случае, если в обозримой перспективе удастся обеспечить увеличение притока иностранных инвестиций, за счет которых можно закупать импортное оборудование, перевооружать производство и налаживать экспорт продукции, производимой в условиях низкой (в валютном выражении) стоимости сырья и труда внутри страны.

Последняя девальвация рубля вызвала значительное снижение валютных цен на используемые факторы производства. В определенной мере это компенсировало негативное влияние снижения нефтяных цен на внутренний спрос. Так, стоимость электроэнергии на пике кризиса упала с 71 долл. США за 1000 кВт-часов в 2013 г. до 35 – в 2015 г. (то есть примерно на 50%), заработная плата в целом по экономике – с 944 долларов США в среднем за месяц до 527 долларов (то есть, на 44%). По итогам 2017 г. эти показатели могут частично восстановиться: при сохранении нынешнего уровня биржевого курса рубля к доллару до конца года цена электроэнергии вырастет, по нашей оценке, до 45 долларов за 1000 кВт-часов, или до 62% от предкризисного уровня, а заработная плата – до 646 долларов, или 68% от уровня 2013 г.

При этом вялая динамика производительности труда, связанная с хронически низкой инвестиционной и связанной с ней инновационной активностью, ведет к тому, что удельные производственные издержки в валютном выражении (в форме затрат на электроэнергию и оплату труда) в этом году вернуться на уровень 1997 г. Иными словами, **ценовая конкурентоспособность российской экономики снизится до того уровня, с которого начинались все три предшествующие рецессии – 1998 г., 2008-2009 гг. и 2015-2016 гг.** (рис. 2.4). Если в дополнение к этому учесть динамику цен импортных товаров (фиксируемую внешнеторговой статистикой) и исходить из того, что их снижение может быть следствием ценового демпинга импортеров, негативно влияющего на конкурентоспособность национальных производителей (обычная мировая практика в ходе девальваций на, в принципе,

Рис. 2.4. Динамика индикаторов ценовой конкурентоспособности российской экономики (100 = 1997 г.)

Примечание. Интегральный индекс ценовой конкурентоспособности представляет собой динамику соотношения средней оценки роста стоимости электроэнергии и оплаты труда в валютном (долларовом) выражении относительно уровня 1997 г. и производительности труда по экономике в целом, то есть фактически индекс удельных издержек (трудовых и энергетических) в валютном выражении. При этом опционально учитывается и динамика цен импортных товаров, снижение которых (вне зависимости от динамики биржевого валютного курса – например, при демпинге) может негативно влиять на международную ценовую конкурентоспособность национальных производителей.

Источник: Росстат, CEIC Data, Банк России; расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

привлекательных крупных рынках), то уровень конкурентоспособности российских производителей снизится даже ниже того уровня, с которого начинались предшествующие российские рецессии (рис. 2.4, синий столбец).

Конечно, **сейчас адаптивные возможности экономики гораздо выше, и о новой волне кризиса на фоне роста удельных издержек говорить вряд ли правильно**, но важность адекватной динамики валютного курса для поддержания конкурентоспособности и экономического роста тоже не подлежит сомнению. Полагать, что его укрепление всегда отражает произошедшее укрепление экономики и поэтому не является препятствием для экономического роста, как это часто утверждается в ходе дискуссий, преждевременно. Особенно если учесть слабость обрабатывающей промышленности и торгуемого сектора российской экономики в целом, возникшую на фоне явного переукрепления реального курса рубля в период высоких нефтяных цен, когда оно шло в отрыве от динамики эффективности экономики и на фоне снижения интенсивности инноваций. Борьба с этой хронической слабостью с помощью мер вертикальной промышленной политики (то есть целенаправленной поддержки определенных секторов) в условиях наличия коррупционных проявлений сейчас затруднительно, а девальвация, как известно, – это именно тот стимул, который при всем желании «нельзя украсть», так как он дает определенную ценовую фору всем без исключения «игрокам».

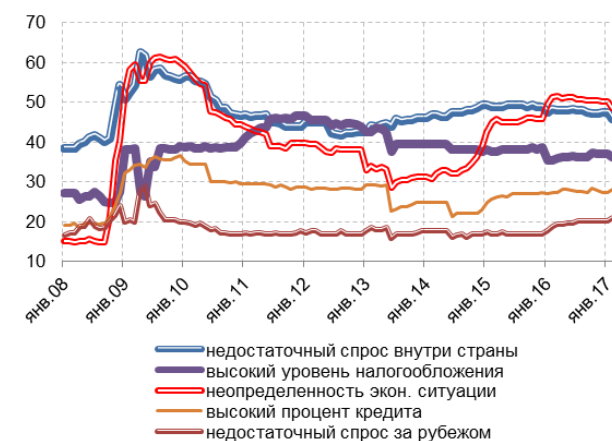
Конечно, **укрепление курса рубля увеличивает возможности национальных производителей по закупке импортного оборудования и наращиванию инвестиций и модернизации производства. Однако при том же укреплении происходит падение их ценовой конкурентоспособности, при котором наращивать инвестиции весьма рискованно для бизнеса. Кроме того, на инвестиции сильное влияние оказывает фактор неопределенности**, по-прежнему актуальный для России (как будет показано ниже), который может ограничивать инвестиции со стороны спроса даже при росте предложения инвестиционных товаров (в том числе импортных).

Валютный курс – это лишь один из нескольких важнейших факторов, влияющих на устойчивость наблюдающегося оживления (если оно вообще имеет место, в чем пока нет полной уверенности с учетом происходящих изменений в методологии статистических наблюдений и отсутствия достаточных ретроспективных данных по ОКВЭД2 по многим показателям). В любом случае, **для стимулирования роста важно не ориентироваться просто на осуществление всех возможных в данный момент реформ с учетом имеющихся наработок и возможностей экономических ведомств в их сегодняшней структуре или на подсчет макроэкономических эффектов неких народнохозяйственных проектов на микроуровне, сгенерированных наиболее сильными сейчас игроками или бизнес-группами и могущими получить для их выполнения бюджетную поддержку. Все это характеризует подход, который можно назвать «снизу вверх», он широко распространен, но с учетом анализа мирового опыта нам видится, что при диагностике роста и выработке мер по его поддержке в таких экономиках как российская целесообразнее идти «сверху вниз», то есть начинать с выявления по специальной методике наиболее значимых реальных ограничений экономического роста (на уровне экономики в целом, отраслей и регионов), которые могут его блокировать по принципу узкого бутылочного горлышка. О таких ограничениях могут, в частности, говорить опросы бизнеса, и не только крупного. Если вернуться к цитированному выше опросу АЦ, то главными барьерами для бизнеса остаются недостаточный доступ к финансам и высокие налоги (эти факторы отметили по 53% респондентов), 41% респондентов указывает на нестабильность государственного регулирования. Недовольство опрошенных регулирующими органами выросло: инициативы регуляторов мешают 40% предпринимателей против 33% годом ранее.**

Если использовать для диагностики традиционные опросы Росстата, то можно указать на то, что в целом по промышленности среди факторов, ограничивающих экономический рост, на первом месте продолжает находиться неопределенность экономической ситуации и недостаточный уровень спроса внутри страны, что, кстати, еще раз говорит о важности поддержки внешнего спроса и ценовой

Рис. 2.5. Динамика основных факторов, ограничивающих экономический рост в промышленности, скорректированная на изменение панели в январе 2017 г. (доля опрошенных респондентов, указавших на фактор, в %)

Источник: Росстат, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

конкурентоспособности российских производителей за счет взвешенной политики валютного курса, нацеленной на свободное плавание, но не допускающей его чрезмерной волатильности (рис. 2.5).

Действия по устранению факторов, блокирующих экономический рост, целесообразнее осуществлять с учетом специфики отдельных отраслей экономики. **Новым трендом в деятельности экономических регуляторов в мире является то, что изменение отраслевой структуры экономики и структурная политика стали рассматриваться как подход, дополняющий традиционные подходы к анализу долгосрочного роста** на основе классической модели Солоу и моделей эндогенного роста, которые рассматривают изменение отраслевой структуры экономики либо просто как следствие роста подушевого ВВП на основе улучшения технологий, либо как следствие развития и технологий, и определенных секторов (но не отраслей), например, сферы НИОКР и инноваций, образования, совершенствования институциональной матрицы и т.д. В зависимости от особенностей страны и специфики переживаемого периода, на первое место может выходить тот иной подход из этих трех. Для примера, говоря об особенностях текущей ситуации в российской промышленности с точки зрения структурной политики, можно отметить, что, судя по опросам Росстата, наиболее сильно в апреле ограничивали экономический рост, во-первых, недостаток внутреннего спроса в обрабатывающей промышленности и недостаток финансовых ресурсов в электроэнергетике, во-вторых, неопределенность экономической ситуации и высокий уровень налогов для представителей обработки, в третьих – неопределенность для преуспевающей в целом добычи полезных ископаемых (рис. 2.6). Целенаправленный учет отраслевой дифференциации ограничений экономического роста позволит, на наш взгляд, заметно повысить эффективность принимаемых мер по его поддержке.

*Валерий Миронов, Людмила Коновалова,
Алексей Кузнецов, Наталья Самсонова*

Рис. 2.6. Основные факторы, ограничивающие экономический рост в основных секторах промышленности в апреле 2017 г., доля опрошенных респондентов, указавших на фактор, в %

Источник: Росстат, ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.